
Я влюбилась в тебя по осени.
Этой мороси благодать...
Этим листьям, в садах разбросанным,
Было весело умирать.

Под раскидистой чёрной сливою
Обживался фонарный луч.
Пела осени: «Будь счастливою
И бессонницей сладкой мучь».

Быть послушною не умела я,
И к зиме, потеряв покой,
Я стихи написала белые
И развеяла их с пургой.

Хоть счастливее и не стали мы,
Но у Чёрной моей реки
Под сугробами, как проталины,
Проступают черновики.

Крыльцо

Там, где худым юнцом
В сливах лопочет ветер,
Старенькое крыльцо
Первым меня приветит.

Ступишь легко – в ответ
Скрипнет его сердечко.
Столько хранит примет
Крашенная дощечка:

Тот же любимый цвет,
Та же на ней щербинка,
Тот же неясный след
Стоптанного ботинка.

Только от непогод
Сгорблен навес покатый.
Только облезлый кот
Щурится слеповато.

В кружеве паутин
Ты не тужи: до мая
Красочку обновим,
Лесенку подлатаем.

Будет лучей пыльца
Спеть после тёплых ливней.
Высадим у крыльца
Облако белых лилий.

Выложим домино,
С грядки жуя горошек.
Ласточкино гнездо
Станем беречь от кошек.

Время придёт, с крыльца,
С крыши его покатою
Выпустит мать птенца,
Как и меня когда-то.

Васильки

У излучины древней реки,
Вдоль обочин, поросших крапивой,
Век за веком цветут васильки,
Огоньки разметав торопливо.

Словно кто-то зажёт маяки
На вершине короткого лета.
Васильки, васильки, васильки...
Среднерусского поля примета.

Горизонта багровая нить,
Паруса изумрудные взгорий...
Не осмыслить и не переплыть
Васильковое синее море –

Нам твои травяные венки
От прабабок достались в наследство.
Васильки, васильки, васильки...
Огоньки первобытные детства.

Нам от прадедов – доблестный путь,
Дар полей, оберег сухоцвета.
И спешит отшуметь, промелькнуть,
Словно в память мою заглянуть,
Навсегда васильковое лето.

О дожде

Шуршал о чувствах старенький винил.
Дождь обещал на город хлынуть в среду,
Но ни к утру, ни к душному обеду
И маленькой слезы не проронил.

Царапая небесное сукно,
Под майским зноем обмирали липы,
И музыки божественные всхлипы
Сочились в приоткрытое окно.

Доверься этой музыке, поплачь!
Пролейся над обочиной и садом,
Шуми в листве, обрушься водопадом
И улицы в ручьи переиначь.

Себя напрасно в слабости винил,
Пока твой город обрастал коростой.
Поплачь, поплачь. Пусть будет город-остров,
Где есть окно и крутится винил.

Ольха

Ей давно за полста.
Ни хвороб, ни трухи.
Говорливы уста у старушки-ольхи.
Шелестит.
И особенно ночью
всё не спит и о чём-то лопочет.

Ей бы долго окрестных котов поучать,
ей бы галок небесных в ладонях качать
и шептать небылицы на ушко
двум соседкам –
берёзам-подрожкам.

На парковку ворчать,
на дворовый уют:
непонятные песни, мол, нынче поют,
и, опять вспоминая гармошку,
по весне наряжаться в серёжки.

Ей бы слушать качелей скрипучую речь,
ей бы детские плечи от солнца беречь
и мелком нарисованной птицей,
как своей,
отчего-то гордиться.

Но однажды под вечер
пришли за ольхой –
только выгнула стан,
только всхлипнула: «Ой!»
Торопливо ольху отпевала пила.
Только кто-то вздохнул – мол, ещё б пожила...

Как ольху унесли,
так затих разговор.
Не заметил беды солнцем залитый двор.
Лишь к утру опустели глазницы
у мелком нарисованной птицы.

Мир выжил. Открыта рама. На кухне шипит
лазанья.
На дне голубого лета чернеет углём воронка.
Когда бы узнала мама, как плачет июль с глазами
Коньячно-густого цвета, пришла бы спасать
ребёнка.

Крыло не по-детски тонко. Внутри, за привычной
шторой,
Так много золы и сора, и веских причин взлететь.
Но тянет ко дну воронка. Ребёнку уже за сорок.
Ребёнку едва за сорок!.. Не повод, чтоб умереть.

А дома – дожди и вишни, и ветер в саду хлопочет,
И плачет душа в пелёнках, и сила растёт крыла...
Мой ангел-хранитель, слышишь, я в пепле
сожжённой ночи
Спасаю в себе ребёнка, чтоб мама моя жила.

На зябком тополе солнца клубок повис –
И ворох листьев осыпался на межу.
Тяну за лучик, спустившийся на карниз,
И тёплый свитер на счастье к зиме вяжу.

Снег

Лишь вчера грустили с ветром,
Глядя в чёрный окоём.
А на утро – столько света,
Столько снега за окном!

На дома упало небо,
Оглушённый город спал.
Прилипали руки к снегу,
Снег на сердце налипал.

Первый снег – такая малость,
Но, не зная ни о чём,
Сердце снегу улыбалось,
Сердце билось горячо.

Мальчик, крохотный и смелый,
Целовал снежинки след.
Улыбался белый-белый,
Словно вылепленный, дед.

Тополя в меха и шали
Приоделись до вершин,
И скрипели, и шуршали
Шины медленных машин.

Избавляясь от коросты,
Светом наполнилась душа.
Было мне легко и просто
Снегом утренним дышать.

Благодать

Может, только кажется, но закат
в этих летних сумерках горьковат –
словно солнца спелую алычу
надкусило небо. И я лечу

прямо в эту радугу, в эту тишь.
Прочь от бесприютности душевных крыш.
Прочь от странной брентности наших тел,
их удел – покоиться в темноте.

Им, слепым, холодным, не разгадать,
где живёт Господня благодать.
Там река небесная горяча,
там на ветках спелая алыча.

Туманы

На Алтынной горе – поздней осени цвет.
Там туманами пишет о чувствах поэт.
Там туманы – стихийная волжская блажь,
Но ложатся послушными под карандаш:
То хрустально легки, то клубами висят,
То осыплются инеем на палисад,
То на солнце в небесном дрожат витраже,
То молочною змейкой ползут по меже –
Только б слово живое поэту изречь,
Только б строчкам карминовым под гору течь.

Лепка

Всё случится.
А пока
вылеплю облака –

из досады и невзгод.
Верю-верю: всё пройдёт,
всё изменится.
Как встарь,
будет теплиться фонарь.
В снежном слепке января –
только шёпот фонаря,
только радость,
только мы,
только шорохи зимы...

В кроткой благости забот
вылеплю новый год.

Балтика

Вплеталось море в Куршскую косу
Тугой волной, атласной синей лентой,
И отзывалось ветренное лето
На голоса и шорохи в лесу.

Мы шли вдаль от пляжей городских.
Там были до небес такие сосны!..
Из детства моего, из девяностых,
Из той пристывшей намертво тоски.

Там лодка в берег пенистый вросла,
И души дюн язык познали рыбий,
И мы услышать, кажется, могли бы
Глухие тайны старого весла.

А море... море, может, в первый раз
Вошло в меня, огромное, живое,
Пронзило будто раной ножевою,
Слезой солёной брызнуло из глаз...

Не надо мне на память янтаря.
Верни покой в мой сон о Рижском взморье,
Чтоб я могла своё лелеять горе –
О нём с любовью детской говоря.

Пора такая – верить в небылицы,
Пленяясь блеском дутого стекла.
Зима, зима, свяжи мне рукавицы,
Так зябнут руки без его тепла!

К свечам в окне и праздникам ревнуя –
Смешная ревность что ли мне к лицу? –
Сберечь на пальцах бабочку живую
И на губах – блаженную пыльцу.

Обнимут снега, вкрадчивы и колки,
Раздвинет мир скупая белизна...
А у него теперь – шары на ёлке.
А у меня – под рёбрами весна.